

УДК / UDC 903.22, 623.445

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263

Калмыцкий «каркасный» шлем из собрания Смоленского государственного музея-заповедника

Леонид Александрович Бобров¹, Дмитрий Петрович Алексеев²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Смоленский государственный музей-заповедник (д. 4, ул. Коммунистическая, 214000 Смоленск, Российская Федерация)

заместитель директора по фондово-хранительской и реставрационной работе —
главный хранитель

 0000-0001-5585-3535. E-mail: adpsmz@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бобров Л. А., Алексеев Д. П., 2022

Аннотация. В статье рассмотрен железный шлем, хранящийся в фондах Смоленского государственного музея-заповедника (№ ОР-375). Ранее наголовье не становилось объектом научного исследования. *Цель* — ввести описание и информацию о шлеме в научный оборот, дать характеристику его конструкции и оформления, уточнить датировку и атрибуцию. *Результаты.* Время и обстоятельства поступления шлема в музейное собрание не установлены, однако он может быть датирован и атрибутирован на основании типологического анализа. Наголовье входит в состав большой группы клепаных шлемов с четырехчастной тульей и характерным узкопластинчатым «каркасом», образованным узкими гранёными накладками с ровным краем и 1–2 узкими гранеными обручами. Шлемы данной серии снабжены цилиндрическим (или — реже — коническим) подвержием с трубкой-втулкой для плюмажа. Частым элементом оформления является «коробчатый» козырек. Наголовья происходят с территории Центральной, Средней Азии, Южной Сибири и Поволжья и датируются поздним Средневековьем и ранним Новым временем. Особенностью шлема из Смоленского государственного музея-заповедника являются многочисленные узоры на тулье, а также форма двухчастного подвержия. Весьма вероятно, что изготовивший подвержие мастер вдохновлялся образом буддийской ступы, выполненной в рамках традиции *кадампа*. На тулье и шлемовых элементах фиксируется орнамент типа «косая зубчатка», складывающийся в фигуры удлинённо-ромбической и треугольной формы, а также формирующий узор в виде трехпалых птичьих лап. *Выводы.* Конструктивные особенности и система оформления наголовья из собрания Смоленского государственного музея-заповедника (в том числе наличие буддийской символики на подвержии) позволяют предположить, что

шлем был выкован оружейниками Джунгарии или Волжской Калмыкии для ойратского воина-буддиста в 10-х гг. XVII в. – середине XVIII в. (скорее всего, во второй половине данного периода). Изобразительные материалы свидетельствуют о длительном периоде бытования подобных наголовий в комплексе вооружения кочевников Великой степи. Так, в частности, они встречаются на изображениях башкирских воинов первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Джунгария, Калмыцкое ханство, ойраты, калмыки, джунгары, ойратские шлемы, калмыцкие шлемы

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Алексеев Д. П. Калмыцкий «каркасный» шлем из собрания Смоленского государственного музея-заповедника // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 247–263. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263

Smolensk State Reserve Museum: A Kalmyk ‘Framed’ Helmet Reviewed

Leonid A. Bobrov¹, Dmitry P. Alekseev²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Smolensk State Reserve Museum (4, Kommunisticheskaya St., 214000 Smolensk, Russian Federation)

Deputy Director — Chief Custodian

 0000-0001-5585-3535. E-mail: adpsmz@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bobrov L. A., Alekseev D. P., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with an iron helmet stored at Smolensk State Reserve Museum (inv. no. OP-375) that has never been subject to any academic research. *The goal.* The paper aims to introduce the item into scientific circulation, describe its construction and design, clarify some dating and attribution properties. *Results.* The efforts to establish when and how the helmet had been obtained by the museum came to nothing but it can still be dated and attributed on the basis of a typological analysis. The headpiece clusters with a large group of riveted helmets characterized by a four-piece crown and a specific ‘frame’ consisting of narrow faceted overlays with a smooth edge and one (two) narrow hoops. Helmets of this type are equipped with a cylindrical (less often conical) pommel (top) with a plume tube. Another frequent design element of such helmets is a ‘box-shaped’ visor. Such headpieces come from Central Asia, South Siberia, and the Volga Region and are dated back to the Late Middle Ages and early modern period. The helmet from Smolensk State Reserve Museum is distinguished by multiple ornamental patterns on the crown, as well as the shape of the two-part top piece. It is very likely that the armorer to have authored this element of the helmet may have been inspired by images of Buddhist stupas inherent to the *Kadampa* tradition. The crown and other elements of the helmet bear a jagged ornament that creates rhombic and triangular patterns, as well as ones in the form of three-toed bird claws. *Conclusions.* The construction

and design structures of the examined headpiece — including the Buddhist symbols on the pommel — suggest that the helmet was forged by armorers of Dzungaria or Volga Kalmykia for an Oirat Buddhist warrior between the 1610s and 1750s (most likely in the second half of this period). The available visual materials attest to that such helmets were long used in weaponry of nomads across the Great Steppe. So, in particular, one can see them on images of Bashkir warriors dated to the 1800s–1820s.

Keywords: Dzungaria, Kalmyk Khanate, Oirats, Kalmyks, Dzungars, Oirat helmets, Kalmyk helmets

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Alekseev D. P. Smolensk State Reserve Museum: A Kalmyk ‘Framed’ Helmet Reviewed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 247–263. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263

Введение

В Смоленском государственном музее-заповеднике (далее — СГМЗ) хранится железный шлем (Инв. № ОР 375, учетный № СОМ¹ 11477), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, этнографов, искусствоведов, археологов и военных историков (рис. 1). Фотографии и прорисовки данного шлема ранее не публиковались, а сам он еще не становился объектом научного исследования.

Время и обстоятельства передачи наголовья в музейное собрание, к сожалению, не установлены. Согласно «Книге поступлений № 15 Смоленского краеведческого музея за 1939 год» он происходит «из старых поступлений» [*Книга поступлений 1939*: 40, 41]. Рассматриваемый образец защитного вооружения был атрибутирован сотрудниками музея 26.05.1939, как «Шлем монгольский XV–XVI вв.» и описан следующим образом: «Тулья клепана из четырёх частей с накладными швами, репье слегка конической формы с поперечными углублениями-поясками. Испод репья — медное украшение в виде листьев. На верхней части тульи чеканен мелким шрифтом орнамент неправильного ромба с тремя веточками. По нижнему краю тульи два поперечных шва. С трёх сторон по нижнему краю дверки для бармицы» [*Книга поступлений 1939*: 40, 41].

Целью настоящей статьи является подробное описание конструкции и системы оформления шлема № ОР 375 из фондов СГМЗ, а также уточнение его датировки и атрибуции.

Описание шлема

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи к отделу клепанных, по форме купола к типу сфероконических (рис. 2, 1–4). Общая высота наголовья — 28 см, диаметр лобно-затылочный — 20,8 см, височный — 22,0 см. Вес шлема — 762 гр.

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, стыки которых прикрыты узкими накладками с ровным краем и продольным ребром жесткости (ширина накладок — около 0,8 см). Элементы купола соединены между собой с помощью железных заклепок. Часть головок заклепок на внешней стороне шлема (на поверхности пластин и накладок) более или менее тщательно зашлифованы. Однако те из них, что должны были располагаться под накладками,

¹ Смоленский областной музей.

Рис. 1. Шлем ОР-375, СГМЗ. Общий вид вполоборота (фото А. Н. Нестерова)

[Fig. 1. Helmet OP-375, Smolensk State Reserve Museum.
General view in half a turn. Photo by A. Nesterov]

сохранили свои округлые шляпки (рис. 3; 4, 1)¹. Большая часть заклепок, соединяющих пластины тульи между собой, снабжена одинарными или парными подпрямоугольными, округлыми и подквадратными железными подложками на внутренней стороне купола шлема (рис. 4, 2).²

Дополнительным фиксатором элементов купола являются наперстковидное подвершие наголовья и два узких железных обруча, опоясывающих шлем на некотором расстоянии друг от друга (рис. 2). По своему оформлению как нижний («височный»), так и верхний («лобно-затылочный») обруч весьма напоминают вертикальные накладки, прикрывающие стыки пластин тульи шлема. Так, в частности, они имеют ровный край и продольное ребро жесткости, а также схожую толщину и ширину (рис. 1–3). Верхний обруч — составной (двухчастный). Его концы аккуратно сведены и состыкованы на затылке и на правом виске. Часть нижнего обруча обломана (рис. 2, 3, 4), поэтому достоверно установить, был ли он цельным или составным, не представляется возможным.

Так как нижний конец вертикальных накладок не перекрывает обручи, а крепится встык, в нижней части шлема (между верхним и нижним обручем)

¹ Шляпки стали видны после того, как накладки несколько сместились, возможно, вследствие удара по тулье шлема или в результате не слишком аккуратной сборки наголовья.

² Стоит обратить внимание на то, что пластины тульи не перекрывают друг друга, а сведены встык (рис. 4, 2). Необходимая жесткость и надежность конструкции обеспечивается сочетанием соединенных заклепками накладок на внешней и подложек на внутренней стороне тульи.

Рис. 2. Шлем ОР-375 (показан без копьевидного острия, добавленного в XX в.):
1 – вид спереди; 2 – вид слева; 3 – вид справа; 4 – вид сзади; 5 – подвешивание шлема
(фото А. Н. Нестерова)

[Fig. 2. Helmet OP-375 (without a spear-shaped tip added in the 20th century):
1 – front view; 2 – left side view; 3 – right side view; 4 – rear view; 5 – top of the helmet.
Photo by A. Nesterov]

Рис. 3. Шлем ОР-375: 1 – фрагмент тульи и подвешия: а – прорисовка орнамента на подвешии; б – прорисовка орнамента на тулье (рис. Л. А. Боброва)

[Fig. 3. Helmet OP-375: 1 – fragment of crown and top; а – ornament details on top of the helmet; б – ornament details on crown of the helmet. Drawings by L. Bobrov]

образуются щели. Для их перекрытия оружейник использовал дополнительные короткие железные накладки с ребром жесткости (рис. 2, 1–4).

Парные узкие обручи вместе с длинными и короткими вертикальными накладками, прикрывающими стыки пластин тульи, образуют своеобразный «каркас» шлема. Последний не только фиксирует элементы купола между собой, но и выполняет функцию ребер жесткости (т. е. усиливает конструкцию наголовья), защищая, в том числе, самые уязвимые места тульи — стыковочные швы.

Тулья шлема и подвешие украшены характерным узором, представляющим собой полосы из частых плавно изогнутых зубцов (рис. 3, 1а, б). Подобный орнамент может быть обозначен как «косая зубчатка» (по аналогии с классической «зубчаткой» — узором из рядов вертикальных остроугольных фестонов, складывающихся в единую линию). Проведенный осмотр показал, что на данном шлеме орнамент награвирован шабером или выбит канфарником¹.

¹ Уточнить данный вопрос позволит более детальное изучение техники нанесения орнамента. Так при работе шабером инструмент иногда соскальзывает, оставляя царапину на металлической поверхности, а канфарник (при неточном ударе) съезжает в сторону, образуя характерный след. Авторы настоящей статьи выражают благодарность ведущему научному сотруднику

Рис. 4. Шлем ОР-375: 1 – вид сверху; 2 – вид снизу (фото А. Н. Нестерова)
[Fig. 4. Helmet OP-375: 1 – top view; 2 – bottom view. Photo by A. Nesterov]

На четырех пластинах тульи полосы «косой зубчатки» складываются в стреловидные фигуры. Удлиненно-ромбические «наконечники» этих «стрел» завершаются тремя отростками, расположенными в виде трехпалого птичьего следа (рис. 3, 1б). Накладки, прикрывающие стыки пластин тульи шлема и оба узких обруча, также снабжены окантовкой из полос «косой зубчатки». Наконец, на налобной части шлема сходящиеся под углом полосы «косой зубчатки» формируют своеобразный «венец» из ряда больших остроугольных фестонов (рис. 2, 1).

В настоящее время шлем не имеет козырька, однако на его наличие в первоначальной комплектации указывают отверстия на височных сторонах тульи (рис. 1; 2, 1–3), а также характерные следы и потертости на налобной части наголовья (рис. 1; 2, 1, 2). Наиболее вероятно, что шлем имел так называемый «коробчатый» козырек, состоящий из узкой горизонтальной пластины — «полки» и вертикального «щитка».

В настоящее время навершие шлема состоит из трех конструктивных элементов: двухчастного подвешья и копьевидного острия (рис. 1). Последнее выполнено из дерева и покрыто серой краской. К шлему оно крепится с помощью стального шурупа (рис. 4, 2). Можно уверенно утверждать, что копьевидное острие является позднейшим дополнением, вероятно, прикрученным к шлему уже в период его нахождения в музейном собрании.

Значительно больший интерес представляет двухчастное подвешье. Оно состоит из металлического «наперстка», выполненного в виде сужающегося

Музеев Московского Кремля, кандидату исторических наук В. Р. Новоселову за помощь в атрибуции способа нанесения орнамента на поверхность шлема.

кверху цилиндра, и четырехлепесткового основания из медного сплава (рис. 3, 1). Поверхность «наперстка» украшена выпуклыми поперечными поясками и зубцами, в последние вписан упомянутый выше орнамент в виде «косой зубчатки» (рис. 3, 1б). Нижний край подвершия оформлен миниатюрными полукруглыми фестонами. Последние настолько мелкие, что даже с небольшого расстояния выглядят как полоса «жемчужника». В свою очередь, большие медные «лепестки» основы подвершия пересекает пара гравированных лент, заполненных «косой зубчаткой». В подвершие вбиты заклепки, которые соединяют его с пластинами тульи шлема (рис. 3, 1).

Вдоль нижнего края купола наголовья, непосредственно под нижним обручем, пробиты 24 сквозных отверстия, служивших для подвешивания бармицы (еще два отверстия предназначены для крепления козырька). Система крепления защиты шеи позволяет предположить, что в своей первоначальной комплектации шлем мог быть снабжен кольчатой, пластинчато-нашивной (пластинчато-клепанной) или стеганой бармицей различных видов покроя¹.

Атрибуция объекта

Шлем № ОР 375 из собрания СГМЗ может быть датирован и атрибутирован на основе типологического анализа.

В первую очередь необходимо отметить, что клепаные железные шлемы с четырехчастной тульей, узкими накладками с ровным краем и ребром жесткости, парой узких выпуклых обручей, цилиндрическим (реже коническим) подвершием и «коробчатым» козырьком в целом не характерны для комплекса вооружения народов Евразии раннего и развитого Средневековья. Все наголовья данного типа датируются периодом позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Худяков 2008: 422, 426, 432; Бобров 2015: 72–74; Ахметжан 2015: 51 (рис. 18), 8–11, 13, 53 (рис. 19), 6–8; Бобров, Кушкumbaев, Сальников 2018: 446–452]².

Авторам настоящей работы известно о 20 шлемах рассматриваемого образца. В настоящее время они хранятся в музейных и частных собраниях Российской Федерации, Республики Казахстан, Монголии, Китайской Народной Республики, Республики Узбекистан и других стран. Наголовья отличаются между собой некоторыми особенностями конструкции и системы декоративного оформления. Однако в основе всех шлемов серии лежит схожее технологическое решение: увенчанная цилиндрическим (реже коническим) подвершием четырехчастная туля дополнена своеобразным «каркасом», состоящим из узких накладок и 1–2 узких обручей (в последнем случае щели между обручами перекрываются специальными короткими накладками). Частым элементом оформления изучаемых шлемов также является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки» и «щитка». В некоторых случаях под подвершием размещается четырёхлепестковое основание из медного сплава [Бобров, Худяков 2008: 422, 424, 432 (рис.

¹ При этом необходимо учитывать, что в ходе эксплуатации боевого наголовья оригинальные бармицы могли существенно модернизироваться, дополняться и даже заменяться на другие виды защитных элементов [Бобров 2009: 251–254; Бобров, Худяков 2011: 43–52].

² Данная разновидность позднесредневековых шлемов, вероятно, восходит к четырехчастным наголовьям развитого Средневековья с узкими накладками, прикрывающими стыки пластин тульи [Горелик 1987: 188, рис. 10, 2].

163); Ахметжан 2015: 53 (рис. 19, 10)]. Несомненное сходство шлемов указывает на то, что они были изготовлены примерно в одно и то же время, возможно, в разных регионах, но в рамках одной военно-культурной традиции. С некоторой долей условности данную разновидность боевых наголовий можно обозначить как шлемы с узкопластинчатым «каркасом» или «каркасные» шлемы¹.

Большинство интересующих нас шлемов происходит из Центральной Азии и сопредельных территорий, которые в период позднего Средневековья и раннего Нового времени являлись местом активных и разнообразных контактов монголо- и тюркоязычных кочевников [Бобров, Кушкumbaев, Сальников 2018: 451].

Уточнить датировку и атрибуцию шлема из СГМЗ позволяют некоторые особенности его конструкции и системы оформления.

Для этого необходимо, в первую очередь, внимательно присмотреться к подержанию шлема. Как уже отмечалось выше, оно имеет двухчастную конструкцию. Цилиндрическая «наперстковидная» орнаментированная пластина помещена поверх четырехлепесткового основания, выполненного из медного сплава (рис. 3, 1). Подобная сложная конструкция навершия не обусловлена сугубо технологической необходимостью. Причины данного оформительского решения, на наш взгляд, следует искать в культурно-религиозной сфере (рис. 5).

Комплексный анализ источников показал, что изготовивший подержание мастер, по всей видимости, вдохновлялся образом буддийской ступы-*субурган* (тиб. *tchodrten*, монг. *суварга(н)*, калм. *суврһн*)², а, точнее — ее конкретной разновидности, известной в историографии под названием «ступа традиции *кадампа*» [Бир 2013: 241; Обитель милосердия 2015: 454].

Отличительной особенностью данной ступы является круглое основание³. Согласно легендам, она была принесена в Тибет Атишей⁴, а поскольку он преподавал в монастыре Викрамашила в Бихаре, то такая ступа является отображением традиций стиля Пала XI в. [Обитель милосердия 2015: 454].

Ступы традиции *кадампа* выделяются колоколообразным телом (рис. 5, 1а, 3а), которое покоится на лепестках лотоса или декорируется ими по нижнему

¹ Во избежание путаницы с «каркасными шлемами» Древности и Средневековья определение рассматриваемой группы наголовий как шлемов с узкопластинчатым «каркасом» представляется оптимальным. Слово «каркас» заключается в кавычки по той причине, что составляющие его пластины-накладки и обручи далеко не всегда играют функцию несущей конструкции. В ряде случаев они лишь усиливают купол шлема, прикрывая его наиболее уязвимые места (стыки пластин тульи и др.).

² Ступа-*субурган* является одним из важнейших символов буддийского учения [Бобров, Орленко 2020: 1209, 1211].

³ Большинство буддийский ступ имеют основание в виде квадратного цоколя, называемого «львиным троном» [Обитель Милосердия 2015: 457].

⁴ Атиша (982–1054) — выдающийся индийский учитель, считающийся земным воплощением Манджушри. Родился в Бенгалии в аристократической семье. Получив буддийское религиозное образование, Атиша принял монашество. В 1042 г. он прибыл в Тибет, где стал одним из инициаторов возрождения монастырского буддизма. Преемник Атиши — Дромтонпа сформировал школу, которая стала известна впоследствии как школа «*кадампа*». Позднее Цзонхава на базе учения *кадампа* основал школу *гелукпа*, известную также как «новая *кадампа*» [Обитель Милосердия 2015: 75]. Именно школа *гелукпа* получила в XVII в. широчайшее распространение среди монголоязычных кочевников Евразии, в первую очередь среди ойратов, что имеет важное значение для нашего исследования (см. ниже).

Рис. 5. Буддийские ступы и их символичные обозначения:

1 — Ступа традиции кадампа, Тибет, XII–XIV вв. (частная коллекция); 2 — подвешие шлема (СГМЗ, ОР-375); 3 — ступа традиции кадампа, Тибет, XII–XIV вв. (Государственный Эрмитаж, инв. № У-1456); 4, 5 — Бодхисаттва Майтрея, Непал, XVII в. (Государственный Эрмитаж, инв. № КО-354) (3–5: по [Обитель Милосердия 2015])

[Fig. 5. Buddhist stupas and their symbols:

1 — stupa of the Kadampa tradition, Tibet, 12th–14th centuries (private collection); 2 — helmet top (Smolensk State Reserve Museum, OR-375); 3 — stupa of the Kadampa tradition, Tibet, 12th–14th centuries (State Hermitage Museum, inv. no. У-1456); 4, 5 — Bodhisattva Maitreya, Nepal, 17th century (State Hermitage Museum, inv. no. КО-354)]

краю (рис. 5, 1з, 3з). Сами лепестки окаймляются так называемым «жемчужным ожерельем» (рис. 5, 1в, 3в). Центральная часть ступы покрывается поперечными выпуклыми поясками (рис. 5, 1б, 3б)¹.

Практически все эти элементы можно наблюдать и на рассматриваемом навершии шлема (рис. 5, 2). Верхняя часть подвешия, как и на теле ступ, гладкая (рис. 5, 2а), зато центральная часть украшена изображениями упомянутых выше выпуклых поперечных поясков (рис. 5, 2б). Цилиндрическое подвешие наголовья покоится на четырех остроугольных фестонах, выполненных из медного сплава, символизирующих священный золотой лотос (рис. 5, 2з)². Мастер не упустил даже такой элемент, как «жемчужное ожерелье», которое должно окаймлять лепестки лотоса. Мелкий «жемчужник» пропущен строго по краю подвешия, отделяя его от фестонов-«лепестков» (рис. 3, 2в).

Сам факт помещения стилизованного образа ступы на верхнюю часть шлема, по всей видимости, не был чем-то невероятным. Один из традиционных вариантов изображения Бодхисаттвы Майтреи предполагал размещение в прическе божества образа ступы (рис. 5, 4, 5). Известный специалист по буддийской символике Р. Бир отмечает по этому поводу: «... термин „ступа“ также подразумевает пучок (санскр. *stupa*, *stuka*) волос. Маленькая увенчивающая ступа — это характерный знак Майтреи, носящего маленькую ступу просветления, или махабодхи-ступу, на вершине своей головы» [Бир 2013: 243].

Главное визуальное отличие тела «ступ традиции *кадампа*» от подвешия шлема заключается в том, что тело ступы обычно имело форму колокола (рис. 5, 1а, 3а), в то время как подвешие выполнено в виде сужающегося к верху цилиндра (рис. 5, 2). В настоящее время сложно сказать, что стало причиной подобного конструктивного решения. Не исключено, что мастер просто не стал усложнять себе задачу, образно обозначив изменение силуэта подвешия за счет его постепенного сужения к верху. С другой стороны, это могло быть обусловлено функционально-технологическими причинами или пожеланием заказчика.

Тело «ступы традиции *кадампа*» обычно сочеталось с ребристым коническим навершием, увенчанным бутоном лотоса и зонтом (рис. 5, 1), луной, солнцем и *Чинтамани*, украшенными лентами³ (рис. 5, 2). Не исключено, что данные элементы украшали и рассматриваемое наголовье. Однако стоит отметить, что очень близкий по конструкции шлем из собрания Акмолинского областного историко-краеведческого музея оформлен несколько иначе [Бобров, Кушкumbaев, Сальников 2018: 445–448]. Его подвешие, выкованное в виде сужающегося к верху цилиндра и оформленное поперечными полосами и мелкими зубчиками по краю (символьное изображение лепестков?), венчает трубка-втулка для

¹ Считается, что подобный способ изображения ступы характерен для развитого Средневековья [Обитель Милосердия 2015: 454, 455]. Однако в тибетском религиозном искусстве этот образ воспроизводится вплоть до настоящего времени. Более того, колоколообразное тело ступы можно видеть на знаменитой *Ступе паринирваны* «...которая знаменует уход Будды „за пределы скорби“ между двумя деревьями сал в городе Кушинагара» [Бир 2013: 242, рис. 8; 243].

² На шлеме помещены лишь четыре лепестка, однако разместить большее число лепестков такого размера на куполе было бы затруднительно, так как этому препятствуют выпуклые накладки с ребром жесткости, прикрывающие стыки пластин тульи.

³ Луна являлась символом мудрости Будды. Солнце означало его безграничное сострадание. Чинтамани — Драгоценность, исполняющая желания [Обитель милосердия 2015: 455].

плюмажа, выполненная в виде буддийского ритуального сосуда (санскр. *ghata*, *kalasha*, тиб. *bumpa*)¹. Подобные втулки, изготовленные из металла или органических материалов, нередко встречаются на центральноазиатских шлемах позднего Средневековья и Нового времени. Весьма вероятно, что подобным образом могло быть оформлено и навершие изучаемого шлема (рис. 2, 3). Еще одной популярной разновидностью трубок для плюмажа на наголовьях рассматриваемого типа были длинные втулки, в основании которых размещались четыре свернутых в спираль железных «лепестка» (рис. 2, 4).

Важную роль для атрибуции наголовья играет также орнамент на его тулье — ромбовидные фигуры в комбинации с трехпалым лапчатым узором (рис. 3, 1б). Гравированные ромбы, внутреннее пространство которых заполнено канфарением в виде множества мелких точек, встречаются на «Шапке колмыцкой большой» — ойратском шлеме XVII в. из Музеев Московского Кремля [Бобров, Орленко 2020: 1195, 1201 (рис. 7), 1204 (рис. 8)]. В том же собрании хранятся «шишаки калмыцкие» XVII в., украшенные двух- и трехпалым «лапчатым» орнаментом, выполненным в технике чеканки [Бобров, Худяков 2008: 429, 432, 437, 438].

Этот же узор можно наблюдать на шлеме, подаренном хотогойтским (северо-монгольским) ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо русскому царю Михаилу Федоровичу Романову в 1635 г. [Бобров, Орленко 2017: 131], а также на центральноазиатских или южносибирских шлемах происходящих с территории Тибета² [LaRocca 2006: 87].

Следует отметить, что хотя основные сюжеты в виде ромбов и лапчатого орнамента вполне узнаваемы, на шлеме из СГМЗ они выполнены в несколько иной манере и с применением «косой зубчатки». Возможно, это указывает на то, что рассматриваемое наголовье было изготовлено в рамках той же военно-культурной традиции, но несколько позднее, чем упомянутые выше шлемы.

Наличие буддийской символики и характерного орнамента практически исключают возможность казахского, ногайского, башкирского или крымско-татарского происхождения наголовья из собрания СГМЗ. Шлемы тибетцев, а также воинов «Восьмизнаменной армии» и «Войск Зеленого знамени» Цинской империи имели иную конструкцию и систему оформления [Бобров, Худяков 2008: 434 (рис. 165), 474; Бобров и др. 2017: 1151–1166]. Таким образом, рассматриваемый шлем может быть соотнесен с комплексом защитного вооружения монголоязычных кочевников: ойратов (калмыков, джунгар) или собственно монголов (халхасцев, тумэтов и др.). И здесь важно учитывать ареал распространения наголовий рассматриваемого образца. Они происходят не только с территории Центральной Азии, но и Мавераннахра и Поволжья, т. е.

¹ Вероятно, в данном случае подразумевается так называемый «Победоносный сосуд» (санскр. *vijaya-kalasha*, тиб. *rgam rgyal bum pa*), который украшался перьевым султаном [Бир 2013: 256, 257].

² В XVII – первой трети XVIII вв. Тибет стал объектом пристального внимания со стороны монгольских и ойратских кочевников. Монголоязычные номады неоднократно совершали походы в «Страну снегов», а на равнине у оз. Кукунор даже сложилось Хошутское ханство. Кроме того, степные феодалы нередко подносили в дар ламам образцы защитного вооружения центральноазиатского производства. По данным причинам, с территории Тибета происходит большое количество панцирей, шлемов и дополнительных защитных деталей монгольского и ойратского образца [Бобров, Худяков 2008: 47, 604, 605, 607–612].

из тех регионов, которые в XVII–XVIII вв. непосредственно не контактировали с монголами, но активно взаимодействовали с ойратами. Так, например, еще в первой половине XVII в. значительные массы ойратского населения расселились на территории Северного Прикаспия, которое стало ядром владений Калмыцкого ханства. В свою очередь, восточные ойраты (джунгары) в середине XVII – первой половине XVIII вв. развернули масштабное наступление против тюркских народов на территории современного Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. После гибели Джунгарского государства в начале второй половины XVIII в. и «Торгутского побега» 1771 г. отдельные группы ойратов влились в ряды войск казахских, восточно-туркестанских, бадахшанских, кокандских правителей [Бобров, Кушкумбаев, Сальников 2018: 452; Бобров, Ожередов 2021: 9, 109, 116].

Таким образом, шлем может быть отнесен к комплексу вооружения ойратских воинов. Нижняя граница его изготовления локализуется началом широкого распространения буддизма среди ойратов (т. е. 10-ми гг. XVII в.), а верхняя — серединой XVIII в. В это время основные оружейные центры Джунгарии были разрушены цинскими, казахскими и кокандско-кыргызскими войсками, а в Волжской Калмыкии доспех центральноазиатского образца стал выходить из широкого военного обихода. Судя по конструкции и особенностям оформления тульи, шлем, скорее всего, относится ко второй половине периода, т. е. к концу XVII – середине XVIII вв. Он мог быть выкован как джунгарскими, так и калмыцкими оружейниками. Если шлем происходит с территории Восточной Европы, то второй вариант представляется более предпочтительным.

В завершение отметим, что шлемы рассматриваемого образца могли использоваться на протяжении длительного исторического периода, причем не только ойратами, но и их соседями. В данной связи значительный интерес представляют рисунок Горация Верне (1789–1863) выполненный в 1811 г. (рис. 6, 1), а также гравюра Жан-Пьера-Мари Жазе (1788–1871), по рисунку того же Г. Верне демонстрирующая внешний облик башкирского воина из авангарда российских войск (рис. 6, 2)¹. Не исключено, что в обоих случаях изображен один и тот же персонаж. Однако на первом рисунке он показан вместе с другими иррегулярными бойцами греющимся у костра, а во втором является основным героем гравюры. Несмотря на то, что гравюра была выполнена позднее первого рисунка (около 1820 г.), она передает оружие, доспехи и снаряжение воина значительно более подробно и детализировано.

Панцирник носит вполне узнаваемый четырехчастный шлем, стыки пластин которого прикрыты узкими накладками с ровным краем и ребром жесткости. Наголовье снабжено узким обручем и увенчано характерным навершием, ниж-

¹ Г. Верне являлся профессиональным художником и при этом участником Наполеоновских войн. В 1814 г. он принимал участие в обороне Парижа и находился в городе во время капитуляции. Таким образом, Г. Верне мог лично наблюдать российские войска, в том числе воинов иррегулярной конницы. Рассматриваемый рисунок датирован ок. 1820 г. Однако весьма вероятно, что при его выполнении Г. Верне опирался на эскизы и наброски, выполненные с натуры. Об этом свидетельствуют некоторые детали вооружения и снаряжения, которые переданы весьма достоверно. К числу подобных предметов относится и шлем башкирского воина. Авторы настоящей работы выражают благодарность ведущему научному сотруднику Музеев Московского Кремля, кандидату исторических наук В. Р. Новоселову, а также научному сотруднику Государственного Эрмитажа Д. А. Шереметьеву за помощь в атрибуции и датировке указанной гравюры.

Рис. 6. Изображения шлемов с узкопластинчатым «каркасом» в первой четверти XIX в.: 1 — Воины русской иррегулярной конницы греются у костра, рисунок Г. Верне, 1811 г.; а — фрагмент рисунка с изображением головы башкира (?) в шлеме; 2 — «Этюд с изображением русской лошади, ведомой башкиром из отряда авангарда», гравюра Ж.-П.-М. Жазе по рисунку Г. Верне, ок. 1820 г. (ГЭ, Инв. № ОГ-358856): а — фрагмент гравюры с изображением головы башкира в шлеме [Fig. 6. Images of helmets with a narrow-plate 'frame', 1800s–1820s.: 1 — Warriors of the Russian irregular cavalry warming themselves around the campfire. Drawing by G. Vernet, 1811: а — a fragment of the drawing depicting a head of the Bashkir (?) wearing a helmet; 2 — 'Sketch depicting a Russian horse led by a Bashkir from the avant-garde detachment'. Engraving by J.-P.-M. Jazet based on a drawing by G. Vernet, ca. 1820 (State Hermitage Museum, inv. no. ОГ-358856): а — a fragment of the engraving depicting a head of the Bashkir wearing a helmet]

ний край которого оформлен фестонами-лепестками (рис. 6, 2a). Трубка-втулка выполнена в виде буддийского ритуального сосуда или ярусного навершия тибетского типа [Бобров, Худяков 2008: 419 (рис. 148), 420 (рис. 149), 434 (рис. 165, 167)]. Наголовье дополнено козырьком (?)¹ и трехчастной пластинчато-нашивной или стеганой бармицей центральноазиатского образца, усиленной металлическими пластинами².

Несмотря на некоторую условность изображения, шлем явно относится к рассматриваемой серии боевых наголовий. Если художник не упростил себе задачу, поместив калмыцкий шлем на голову башкирского воина, с целью дополнительно подчеркнуть экзотичность изображаемого персонажа³, то данная гравюра может служить дополнительным подтверждением как длительности применения шлемов центральноазиатского образца в регионе, так и примером использования калмыцкого наголовья тюркским воином (в данном случае из числа башкир).

Выводы

Типологический анализ шлема № ОР 375 из собрания СГМЗ показал, что он входит в состав большой группы боевых наголовий позднего Средневековья и раннего Нового времени, выполненных в рамках центральноазиатской военно-культурной традиции. Характерной особенностью данных шлемов является своеобразный «каркас», состоящий из одного или (чаще) двух узких граненых обручей, комбинированных с узкими гранеными накладками с ровным краем, прикрывающими стыки пластин четырехчастной тульи. Частыми элементами оформления таких шлемов являются «коробчатые» козырьки, цилиндрические (реже конические) подвешива с трубками-втулками для плюмажа.

Изучение элементов рассматриваемого наголовья показало, что его двухчастное подвешивание украшено буддийской символикой. По всей видимости, изготовивший подвешивание мастер вдохновлялся образом буддийской ступы традиции *кадампа*. В пользу атрибуции шлема как изделия оружейников одного из монголоязычных народов свидетельствует и характерный орнамент на тулье, сочетающий образы ромбических фигур и трехпалого лапчатого узора. Ареал распространения шлемов данного типа (Западная Монголия, Казахстан, Мавераннахр, Поволжье и др.) позволяет отнести их к комплексу защитного вооружения западных монголов — ойратов (калмыков или джунгар). Шлем был изготовлен не ранее 10-х гг. XVII в. (время начала широкого распространения буддизма среди ойратских кочевников) и не позднее третьей четверти XVIII в. (время гибели Джунгарии и ее производственных центров, а также вытеснения

¹ Не исключено, что художник изобразил не козырек, а матерчатую оторочку бармицы (проходящей под налобной частью шлема) или край подшлемника. Однако подобный способ оформления наголовья в целом не типичен для рассматриваемого региона. Характерно в данной связи, что на рисунке 1811 г. никакой оторочки нет, а шлем снабжен козырьком и (или) узким обручем (рис. 6, 1a).

² На рисунке Г. Верне 1811 г. защита шеи может быть атрибутирована и как пара кованых наушей в комплекте с гомогенным пластинчатым назатыльником (рис. 6, 1a).

³ Стоит обратить внимание, что Г. Верне совместил на одном рисунке самые экзотические элементы азиатского вооружения и снаряжения, непривычные для европейского зрителя начала XIX в.: шлем, кольчугу, саадачный набор (лук в налуче и колчан со стрелами), саблю-*шамшир*, оригинальную обувь, седло с высокой окованной металлом передней лукой, деревянные стрелы и др.

защитного вооружения центральноазиатского образца из широкого военного обихода волжских калмыков).

В то же время отметим, что подобные шлемы могли использоваться на протяжении длительного времени, причем как самими ойратами, так и их соседями. В пользу данной версии свидетельствуют рисунки и гравюры первой четверти XIX в., изображающие башкирских воинов в шлемах близкой конструкции и системы оформления.

Источники

Книга поступлений 1939 — Книга поступлений № 15 Смоленского краеведческого музея за 1939 г. // Смоленский государственный музей-заповедник. С. 40–41.

Sources

Book of Receipts No. 15 (Smolensk Museum of Local History and Lore): The Year 1939. At: Smolensk State Reserve Museum. Pp. 40–41. (In Russ.)

Литература

- Ахметжан 2015 — *Ахметжан К. С.* Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана: [б. и.], 2015. 102 с.
- Бир 2013 — *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. Справочник. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.
- Бобров 2009 — *Бобров Л. А.* «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 251–254.
- Бобров 2015 — *Бобров Л. А.* «Казахский» шлем из «Арсенала хана Джангира» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 5. С. 71–76.
- Бобров и др. 2017 — *Бобров Л. А., Зайцев В. П., Орленко С. П., Сальников А. В.* Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х – середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.
- Бобров, Кушкumbaев, Сальников 2018 — *Бобров Л. А., Кушкumbaев А. К., Сальников А. В.* Ойратский шлем XVII – середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея // Былые годы. 2018. Т. 48. № 2. С. 443–455.
- Бобров, Орленко 2017 — *Бобров Л. А., Орленко С. П.* Монгольский шлем конца XVI – первой трети XVII вв. из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4. С. 127–135.
- Бобров, Орленко 2020 — *Бобров Л. А., Орленко С. П.* «Шапка колмыцкая большая» из собрания Музеев Московского Кремля // Oriental Studies. 2020. № 5. С. 1184–1217. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Бобров, Худяков 2011 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Шлемы сибирских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-краеведческого музея-

- заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2011. № 3. С. 43–52.
- Горелик 1987 — Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.
- Обитель милосердия 2015 — «Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.
- LaRocca 2006 — *LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet* (= Воины Гималаев. Заново открывая оружие и доспехи Тибета). New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p.

References

- Akhmetzhan K. S. *Kazakh Battle Helmets: History, Origins, Traditions*. Astana, 2015. 102 p. (In Russ.)
- Beer R. *The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols*. Moscow: Orientalia, 2013. 336 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. ‘Kazakh’ helmet from the collection of Khan Zhangir. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2015. Vol. 14. No. 5. Pp. 71–76. (In Russ.)
- Bobrov L. A. ‘The Tatar’ helmet with combined camail (protection of a neck and a throat) from the Tobolsk State Historical-Architectural Museum-Reserve. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2009. Vol. 8. No. 3. Pp. 251–254. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Helmets of Siberian warriors from the collection of Tobolsk State Historical Reserve Museum). *Turk-Tatar World*. 2011. No. 3. Pp. 43–52. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. *Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries AD*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Salnikov A. V. Oirat helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. No 2. Pp. 443–455. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Orlenko S. P. ‘Kalmyk Shapka Bolshaya’: An Oirat helmet from the Moscow Kremlin Museums collection. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 1184–1217. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217
- Bobrov L. A., Orlenko S. P. A late 16th to early 17th century Mongolian ceremonial helmet from the Moscow Kremlin Armoury. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2017. No. 4. Pp. 127–135. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. *Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography*, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Zaytsev V. P., Orlenko S. P., Salnikov A. V. The late Jurchen (early Manchu) helmet of the second half of the 1610s to the mid-1630s from the collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1140–1173. (In Russ.)
- Elikhina Yu. I. (ed.) *The Shrines of Mercy: Tibetan Buddhist Art. Exhibition catalogue*. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2015. 512 p. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Early Mongolian body armor, 9th to mid-14th centuries. In: Derevyanko A. P., Natsagdorj Sh. (eds.) *Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Mongolia*. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 163–208. (In Russ.)
- LaRocca D. *Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)